

Она сдержала слово

5 октября 1949 года, в 2 часа 10 минут ночи, московская ткачиха Анна Чабрикова закончила выполнение своего годового задания. В четвертый раз она сдержала слово, данное вождю: четвертый год подряд она перевыполняет годовые планы.

Чабрикова одела уже за свой век в шелшовые платья 42.000 девушек. А век ее... только в 1945 году она впервые увидела в ФЗО ткацкий станок.

Анне 21 год — таков ее «век».

В июньском письме работников московской промышленности товарищу Сталину, где они дали слово вождю выполнить к концу 1949 года пятилетний план, имя ткачихи Анны Чабриковой названо в числе 11 лучших стахановцев столицы.

Откуда же пришла к молодой девушке такая уменность?

— У нее от природы скорые руки, — слышал я высказывания. — Она еще в люльке пела ткацкие песни, потомственная ведь ткачиха...

Конечно, есть от природы одаренные, талантливые люди. Верно и то, что ткачихой была ее бабушка Прасковья, проработавшая на этой же фабрике еще при владельце-французе Жиро 25 лет; ткачом был ее дед, работавший ткачихой мать.

Но до переезда в Москву Анна полдела картошкой, возила снопы, пахала, боронила, жала, косила и тоже была лучшей уларницей — в колхозе она выработывала по 400 трудодней в год.

Нельзя пройти мимо этого факта в короткой, но яркой биографии комсомолки Чабриковой. Невольно возникает вопрос: знали бы мы сейчас об Анне Чабриковой, если бы она не переехала в Москву, а оставалась в своем Боровском районе?

Чабрикова как бы ожидала этого вопроса.

— Мой колхоз был всегда передовым... И московский комбинат «Красная Роза» — се, и колхоз имени Кагановича — ей же принадлежит.

О таких молодых людях, о новом человеке сталинской эпохи замечательно сказал Алексей Максимович Горький.

«Он чувствует себя творцом нового мира... Он молот не только биологически, но исторически. Он — сила, которая только что осознала свое право, свое значение в истории, и он делает свое дело... с всей смеельностью, присущей юной, еще не работавшей силе...». У рабочего, который чувствует себя хозяином производства, естественно, развивается сознание его ответственности перед страной...

«Мое!» — сказала Анна Чабрикова, переступив вперые пороги фабричного цеха. А раз и колхоз ее, и завод ее, и все государство ее, как могло не развиваться чувство ответственности перед страной, как могла она не взять власть над машинами в свои руки!

27 августа Анна записывает в свой дневник:

«Работала на шести станках, а два стояли — присущальными прилаживалась основы. Просто отдыхала...»

Сказано это мимолетно, невзначай, дальше в дневнике следует о доме, о подругах, об учебе, но стоит задуматься в приведенные строки. Почти вся бригада, десятки ткачих работают на пяти станках, и это — нормальная рабочая нагрузка. Но вот Анне Чабриковой пришлось час-другой обслуживать «только» шесть станков вместо восьми, и она «отдыхала»...

Что она: крепче других? Наоборот, по своему физическому развитию она уступает многим другим.

Перед нами совсем новой формации рабочий, разумом воспринявший машину, разумом, а не мускулами управляющий ею, разумом совершенствующий трудовые процессы.

Умение экономить секунды, выкраивать, «одлаживать» их у себя на любое новое и нужное начинание Анна Чабрикова из цеха переносит в свой личный быт. Молодая ткачиха находит время на то, чтобы регулярно читать лекции в Доме техники от своих методов труда. Она ведет стахановскую школу — обучила уже, вернее, переучила десятки ткачих, которые прежде не выполняли плана, а сейчас сами стали стахановками. По заданию комсомольской организации она часто бы-

вает у девочек из ФЗО и обучает их своему искусству.

Это все — общественные дела, но есть еще личный быт, на который тоже надо выкроить время: в сутках, к сожалению, только 24 часа. Надо самой и сварить, и убрать, и постирать, и поглядеть.

В личную жизнь входит и театр и книга. Вот и сейчас на столе у Анны лежит «Очарованная душа» Романа Роллана. В дневнике ее многие страницы посвящены «Молодой гвардии» А. Фадеева. «...Как жаль, что меня не было вместе с ними, душа горит желанием борьбы! Но если мне выпадет такая участь, я поступлю так же, как они... Оле! Ты для меня жив. Пускай ты умер, но в песне храбрых и сильным духом всегда ты будешь живым примером», — заканчивает она словами Горького свои записки о сверстниках-молодогвардейцах...

Анна учится в 8-м классе школы рабочей молодежи. Я был в этой школе, в Олсуфьевском переулке. Мне захотелось увидеть не ту Анну Чабрикову, портреты которой были помещены в газетах, а обыкновенную школьницу Аню.

На уроке алгебры Анну вызвали к доске. В четвертый раз за последнюю неделю ее спрашивают, и в школьном журнале «на ее счету» есть уже три «пятёрки»: по истории, по физике, по немецкому.

Задача оказалась для нее нетрудной, но ответ получился неожиданным:

$$x = \sqrt{4}$$

Почему минус 4? Возможно ли это? Девушка явно смущена. Я чувствую, она готова стереть написанное и начать все сначала. Это ведь «двойка», если не решит задачу! Но учитель улыбается.

— Правильно, Чабрикова, вы решили правильно: такие величины называются в математике иррациональными. Вы еще будете изучать их.

...Мы хотим понять, как рождается стахановец — вестник коммунизма, откуда пришла к Анне Чабриковой высокая культура труда? Здесь не назовешь одного источника: это и глубочайший советский патриотизм, и цельность натуры, и потенциальная любовь не только к качеству, но к труду вообще, и природная сметливость, и организованный личный быт, и книга, и театр, и школа, которые учат Аню еще сильнее любить Родину, еще сознательнее и умнее трудиться.

Ткачиха Чабрикова — интеллигент. В примере Анны Чабриковой можно проследить процесс формирования новой социалистической интеллигенции, советской народной интеллигенции, плоть от плоти, кость от кости советского народа.

Драгоценная деталь в жизни «Красной Розы»: сегодня Чабрикова девушка ткачиха, а вчера она сама кому-то подражала, повторяла чей-то путь.

Я позвонилась здесь к Клавдии Григорьевне Крутовой. Когда она рассказывала историю своей жизни, мне казалось, что я слышу сегодняшнюю и завтрашнюю биографию Анны Чабриковой. В 15 лет пришла Клавдия Крутова на «Красную Розу», кончила здесь ФЗО, работала в цехе и одновременно продолжала учиться в школе рабочей молодежи, а сейчас она начальница отдела технического контроля всего комбината. Вместе с Крутовой сидела на одной парте в ФЗО Ирина Мусатовна. Сегодня Ирина Николаевна Мусатова директор этой самой школы ФЗО. Вместе с ними обним училась в ФЗО Шура Богаева, а теперь она директор всего комбината — самый молодой директор в текстильной промышленности: Александре Степановне Богаевой 33 года.

Так частное поднимается до вершин общего, так через жизнь одной советской девушки можно увидеть всю советскую страну в канун ведечаого 32-летия. Анна Чабрикова будет знать высшую математику, тайна иррациональных величин раскроется перед ней. Она подчинит себе высшую математику так же смело и уверенно, как подчинила себе станки в цехе, как подчинила себе свой личный пятилетний план.

И то, что в нашей стране волей партии Ленина — Сталина, отеческой заботой вождя Сталина воспитаны десятки и сотни тысяч таких, как Анна Чабрикова, — это и есть для нас, для всех, самые оптимальные, самые зримые черты коммунизма.

ВЫШЕ УРОВЕНЬ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ!

На партийном собрании писателей Латвии

В Союзе советских писателей Латвии состоялся партийное собрание, на котором обсуждалось состояние литературной критики в республике. С докладом выступил ответственный секретарь правления Союза писателей республики И. Муйжикс.

— Один из существенных недостатков нашей критики, — сказал он, — это отсутствие работ, обобщающих достижения латвийской советской литературы. Нет содержательных, серьезных статей по вопросам социалистического реализма, партийности литературы. В литературоведческих работах А. Григулис, К. Крауляна приводятся примеры из западноевропейской и русской классической литературы, а советская литература почти обойдена.

Ни один из критиков до сих пор еще не коснулся такой важной проблемы, как единство социалистического содержания и национальной формы в литературе. Ни в журнале «Карог», ни в газете «Литература ун Махса» не появились статьи по вопросам литературного наследия. Литературная критика не ведет постоянной борьбы с буржуазным национализмом и космополитизмом.

В статьях, посвященных творчеству современных латвийских писателей, зачастую еще нет художественного разбора произведения, разговора о мастерстве. Перекинув случаи восхваления слабых книг (рецензия А. Саксе на роман Р. Сеиаса «Усадьба Силайна»), на книгу рассказов В. Берне «Первые двенадцать»; рецензия Ж. Грива, Э. Дамбура на «Рассказы о Даугаве» Ю. Ваната). В качестве примера непринципиальной критики можно привести рецензию Э. Дамбура на поэму М. Рудзита «Дорога песен». Правильно оценив эту поэму, как неудачную, рецензент приходит к странному заключению, что в конце концов можно и так писать. За исключением В. Луска, все остальные

рецензенты не заслуженно восхваляли слабую поэму Ц. Дилер «Песня сержанта Сармы».

Слепо преклоняясь перед талантом А. Чака, критика не осмелилась открыто указать на остатки формализма и декадентства в его стихах.

Оставлена без внимания пьеса молодого драматурга Норы Ветра «Чортов священник». Вообще, драматургия — забытый участок латвийской литературной критики. Зачастую критика игнорирует великие традиции русской классической литературы. Так случилось в статье А. Уинта «Эстетика социалистического реализма».

Выступившие в прениях К. Крауляна, В. Васар, А. Григулис, В. Берне, П. Пельше, В. Каплинь говорили о необходимости всестороннего и глубокого изучения писателями марксизма-ленинизма, о том, что латвийским литераторам во многом следует учиться у великих русских демократов — Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Герцена. Участники собрания указали на недостаточный профессиональный уровень критики и на необходимость улучшить критические отделы журналов «Карог» и газеты «Литература ун Махса».

А. Григулис подробно остановился на недостатках статьи А. Уинта «Эстетика социалистического реализма».

И. Грант, Ж. Грива указали на то, что комиссия по критике Союза советских писателей Латвии (председатель К. Крауляна) бездействует — за полгода она собиралась только один раз.

Собрание приняло резолюцию, которая предусматривает ряд конкретных мер для того, чтобы обеспечить выполнение высоких требований, стоящих перед литературной критикой.

Новое издание «Слова о полку Игореве»

В будущем году советские читатели получат новое издание текста «Слова о полку Игореве», которое предпринято в связи с исполняющимся 150-летием со дня опубликования бессмертной поэмы русского народа. Новое издание послужит как бы итогом полуторжественной работы наших ученых по исследованию великого литературного памятника древней Руси, по восстановлению его первоначального текста и приближению его к восприятию современного читателя.

Сборник древнерусских рукописей, в котором было обнаружено «Слово», как известно, не уцелел. Хранившийся в собрании А. И. Мусина-Пушкина, он сгорел во время московского пожара в 1812 году. Однако до гибели рукописи существовала копия в ней текста «Слова» все же удалось снять несколько копий. Из них до нас дошли две — рукописная, изготовленная в 1796 году для Екатерины II, и печатная, 1800 года. Обе копии страдают искажениями и пропусками. Никаких других списков в распоряжении литературоведов пока нет, несмотря на поиски, не прекращающиеся до наших дней.

Безнадежны ли эти поиски? Нет, утверждают ученые, далеко не безнадежны. Большой интерес в этом отношении представляют, в частности, изыскания историка Л. Творогова, старшего научного сотрудника Псковского областного краеведческого музея. Он с 1921 года изучает литературную историю «Слова». За это время опубликовано 46 его печатных работ. До известной степени он разрешил вопрос о происхождении мусин-пушкинской рукописи.

По просьбе корреспондента «Литературной газеты», Л. Творогов сообщил некоторые подробности своей работы. Он считает, что источником мусин-пушкинской рукописи послужила копия текста, писанная в

Киеве в конце восьмидесятых годов XII века непосредственно с оригинального текста. По его предположению, этот список был занесен в Псков русскими воями, и здесь с него снята новая копия по поручению преабата Спасо-Мирожского монастыря Иосифа — ученого и псковского общественного деятеля второй половины XIII столетия. Основанием для такого предположения послужило исследование псковских летописей и других памятников старой письменности, а также «Послания к детям и братии», принадлежавшего перу Иосифа и заключающего некоторые заимствования из «Слова».

Но Спасо-Мирожская копия была не единственной. Существовали еще другие списки «Слова». Один из них, более полный, еще в начале нынешнего столетия находился в библиотеке Олонецкой духовной семинарии (в Петрозаводске). Его видели многие, преположения показывали его ученики семинарии на уроках русской словесности. Он трижды пропал и дважды обнаружился. По сведениям, сообщенным в свое время академиком В. Перетц, этот список после закрытия Олонецкой семинарии был кем-то вывезен на юг. Утверждают даже, что его видели в Астрахани у частного лица, к которому список попал случайно. Л. Творогов считает, что надежда найти список не исключена; надо возобновить его поиски.

В Псковском музее сейчас организуется кабинет «Слова о полку Игореве». Для него подобрано уже много материалов. Большую ценность представляет картотека, составленная Л. Твороговым и насчитывающая свыше 30 тысяч карточек. Она содержит разнообразные справочные данные и библиографию всех изданий, касающихся «Слова».

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ ПИСАТЕЛИ

- ♦ М. Бубенов работает над второй книгой романа «Белая береза», посвященной разгрому немцев под Москвой.
- ♦ В начале ноября в Ленинграде будет впервые исполнена оратория Д. Шостаковича «Песнь о лесе», стихи для которой написал Е. Долматовский. Сейчас Долматовский работает над поэмой о молодых советских специалистах.
- ♦ Иван Ле и А. Левала закончили роман «Юго-Запад». Это первая книга за-

думанной ими трилогии, посвященной героическому походу Советской Армии от Сталинграда до Вены.

♦ А. Барто продолжает работать над поэмой «Лагерь во дворе», главы из которой недавно публиковались в печати.

♦ Остап Вишня сдал в печать книгу юмористических и сатирических произведений, состоящую из двух частей: «У нас и «У них».

Я. ЭЛЬСБЕРГ

ЖИВАЯ КНИГА

Сборник «Л. Н. Толстой в русской критике», изданный Гослитиздатом, — это живая книга, книга о прошлом, но тесно связанная с сегодняшним днем нашей социалистической культуры.

Л. Н. Толстой, как и другие подлинно великие русские писатели, мечтал о светлом будущем своего народа и поэтому вошел в это будущее. В. И. Ленин говорил, что «...большевик, как своей деятельностью достаточно доказали, что толстовство в нас никто не найдет ни одного грамма...». Но Ленин же указывал, что в наследстве Толстого «есть то, что не отомло в прошлое, что принадлежит будущему».

Толстой с громадной мощью, искренностью и непосредственностью выразил необычайную могучую силу жизнеспособности (слова Толстого), присущую русскому народу, его стихийный протест против помещичье-буржуазного строя. Тенетальны художник, лавный, по словам В. И. Ленина, «не только несравненные картины русской жизни, но и первоклассные произведения мировой литературы», воплотил в своих произведениях «самый трезвый реализм, срывание всех и всяческих масок», суровую и беспощадную критику капиталистического общества, основанного на угнетении народа. Это наследие Толстого — и сегодня неотъемлемая часть нашего духовного вооружения в борьбе с империалистами всех мастей.

Но для того, чтобы глубоко понять сложное и противоречивое творчество и мировоззрение великого писателя, чтобы отделить прогрессивные стороны его наследия от реакционных, потребовалась ог-

ромная работа передовой русской критики. Началом научного изучения Толстого следует считать статью Н. Чернышевского, глубоко проанализировавшего дарования писателя. Чернышевский подчеркнул «непосредственность... свежесть нравственного чувства», присущего ранним произведениям Толстого и придающего им «особенную — трогательную и грациозную — очаровательность» и поэтичность. Он отметил умение Толстого «переселяться в душу пошляков». А вместе с тем великий публицист с революционно-демократической последовательностью указал Толстому из его идейную, теоретическую слабость, ведущую писателя в его педагогических статьях к реакционным выводам. «Нужно стать в уровень с наукой», т. е. с передовой революционной мыслью, учил Чернышевский Толстого, идейный и творческий путь которого тогда еще не определялся.

Работа, начатая Чернышевским, была продолжена русской критикой. На новую, невиданную высоту было поднято изучение Толстого в генезисных статьях В. И. Ленина. Впервые с позиций историко-материализма были вскрыты противоречия мировоззрения и творчества Толстого, социальные, классовые корни, обусловившие эти противоречия, впервые было точно определено мировое значение Толстого, ценность его наследия для социалистического пролетариата.

С удивительной философской глубиной и исторической конкретностью показал Толстого, какие именно стороны творчества Толстого выражают его предрассудки и принадлежат прошлому и какие выражают его разум и принадлежат будущему.

В сборник включены две статьи В. И. Ленина о Толстом. Но огромное значение ленинских высказываний заставляет признать проблемное отсутствие в ней тех замечаний о Толстом и толстов-

стве, которые встречаются в работах Ленина, посвященных другим вопросам.

Отныне на первом о значении ленинских работ в изучении творчества Толстого гордо горит А. Дунаевский в своих статьях, посвященных великому писателю. Ценны своей резкой критикой «толстовщины», проповеди «критерия жизни», статья Г. Пеханова, хотя многие выводы Пеханова, в частности его противопоставление Толстого-художника Толстому-мыслителю, ошибочны. Тонким пониманием художественного своеобразия писателя отличаются статьи В. Короленько. Могути образ художника воссоздать М. Горький в знаменитом очерке «Лев Толстой».

Соединение научности с публицистичностью, глубокого историзма с живым чувством современности, строгого идейного анализа с умением охарактеризовать поэтическое своеобразие и художественное новаторство писателя — вот что отличает лучшие критические статьи о Толстом, помещенные в сборнике. В них воплощены замечательные традиции русской критики — прежде всего принципиальность и последовательность, умение выводить истину прямо и смело, заботясь только об истине... (Белинский). Для них характерна «всеобъемлющая забота о ясности, определенности и прямоте» своих суждений, особенно важная, по словам Чернышевского, тогда, когда речь идет об ошибках и слабых сторонах известного писателя.

По мнению с точки зрения высоких традиций русской критики ошибочным представляется включение в сборник статьи П. Анненкова о «Воине и мире». Статья эта типична для уклончивой, избалованной отговорами либеральной критики.

Также необоснованным представляется помещение статьи Н. Михайловского о народных рассказах Толстого, в которой критик пытается использовать Толстого для подкрепления народнической субъективистской социологической теории.

Вводная статья С. Бычкова хорошо

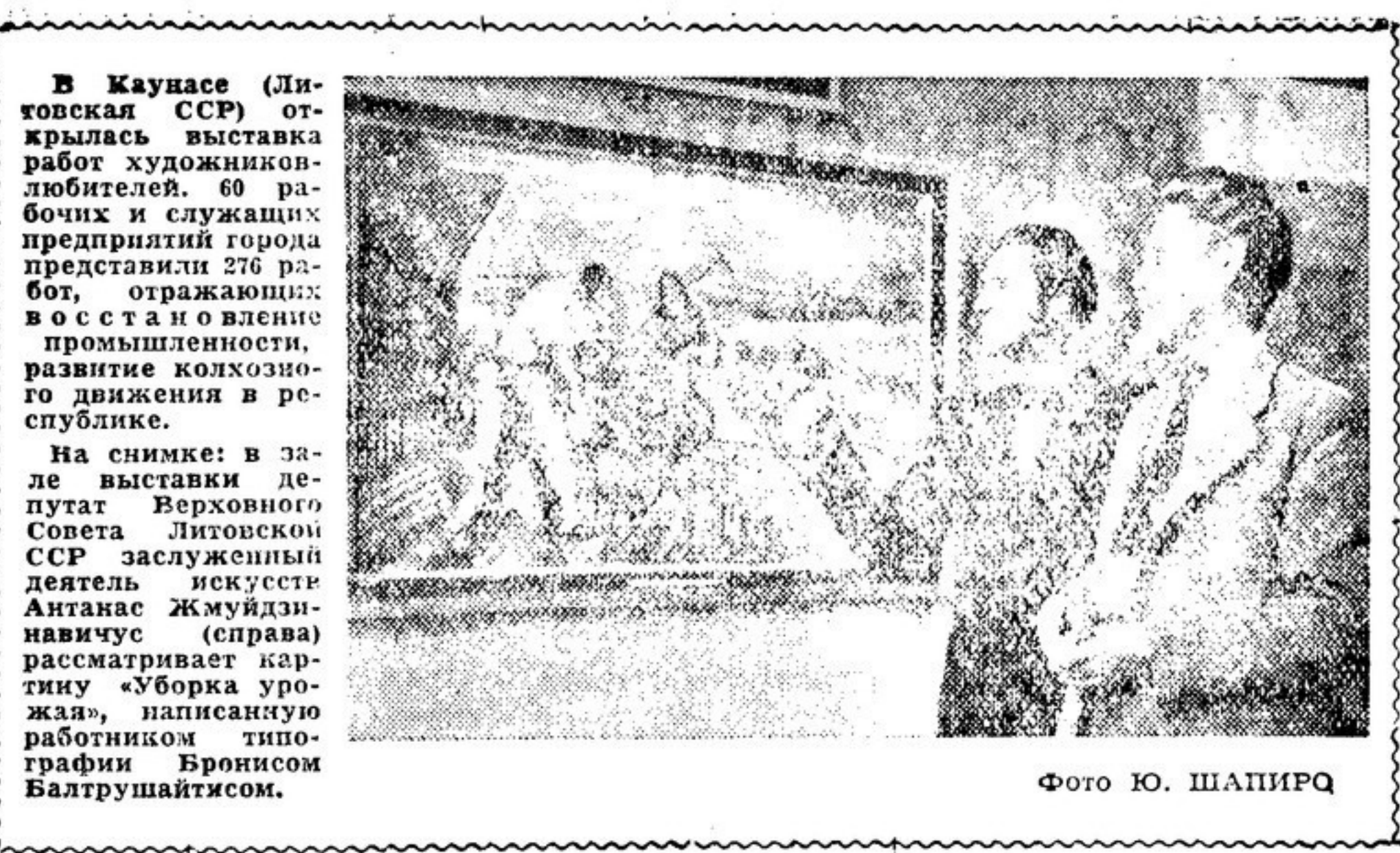
показывает идейную борьбу, которая на протяжении многих лет шла вокруг творчества и взглядов великого русского писателя. Правильную оценку нашли также сильные и слабые стороны предшествующей Ленину критики о Толстом.

Вместе с тем необходимо указать на некоторые промахи и ошибки статьи. Нельзя, например, согласиться с данным в статье сближением взглядов генерала М. Драгомырова и Л. Толстого на значение «духа» войск, морального состояния армии. Составитель сделал совершенно правильно, включив в сборник интересную статью М. Драгомырова, подчеркивающего познавательное и воспитательное значение изображения военного быта в «Воине и мире». Но в то время, как Толстой рассматривает высокое моральное состояние армии, прежде всего, как результат участия в spirited народной войне, Драгомыров, крупный военный специалист, но верно-подданный паризма, видит в создании такого морального состояния лишь средство для командования устремить солдатскую массу к любой цели «с неуклонностью бездунного снаряда».

Верслю также утверждение С. Бычкова, что Михайловский в 70-х годах рассматривал творчество Толстого «с прогрессивных позиций». Еще в 1875 году в «Записках профана» Михайловский прямо высказал свое несогласие с той оценкой педагогических взглядов Толстого, которая была дана Чернышевским.

Неточно причисление Н. Шелгунова к представителям народнической критики, Шелгунов был революционным просветителем, в мировоззрении которого народнические элементы не играли значительной роли.

Будем надеяться, что недочеты сборника будут исправлены в новом издании, которое, несомненно, вскоре потребует, ибо эта ценная книга выпущена явно недостаточным (10.000) тиражом.

На снимке: в зале выставки депутат Верховного Совета Литовской ССР заслуженный деятель искусств Айтанас Жемуйли-навичус (справа) рассматривает картину «Фабрика урожая», написанную работником типографии Бронисом Балтрушайтисом.

А. РОДИМОВ ФЕЛЬЕТОН

РАЗОЧАРОВАННЫЙ АКМОЛИНСКИЙ

Специальный фотокорреспондент великого множества газет, журналов и прочих изданий, Григорий Леонидович Акмолинский сверх этих высоких своих качеств имеет себя генералом.

Акмолинский, генерал-лейтенант в отставке, — короткий бросает он при знакомствах. (Хотя, заметим для ясности, в документах он значится просто лейтенантом запаса.)

Если его знакомят с женщиной, Акмолинский добавляет к своему «генеральскому званию» еще одну не звонкую, но интригующую справку: закоренелый холостяк. Затем следует лирико-биографическое разъяснение причин закоренелости:

— То война, знаете ли, то послевоенное напряжение, некогда подумав о личной жизни, все как бы растерявшись в общественной деятельности, как бы в припадке самому себе. Минуты отдыха в холостяцком берлоге. Задумаешься, — молодость позади, пятый десяток идет. В чем же смысл жизни? Сердце наполняется разочарованием...

Выслушав эту трогательную перемену о жизни Акмолинского, его новая знакомая, молодая девушка, — назовем ее Вера Павловна, — согласилась взглянуть на его холостяцкий берлог: Таллин, ул. Пярну Мяте, 122, берлогу, куда «не ступала нога женщины».

И вот нога ступила на ковер богатой обстановки квартиры.

Ступая некоторое время Акмолинский и Вера Павловна пожелались, не прибегая к загусу.

— Истинная любовь выше бюрократических бумажек! — с жаром декламировал Акмолинский.

Ступая восемь месяцев он с еще большим жаром развлек беременной жене:

— У меня творческая работа, а ты тут про ребенка да про поленик. Или туло, где этим интересуешься. Есть же такие родовые заведения. Я в них ничего не понимаю, я по убеждению холостяк.

...Когда Вера Павловна возвратилась из родильного дома с ребенком на руках, дверь ей открыла новая жена Акмолинского Мирра, недавно привезенная из Риги.

Выглянув из-за плеча Мирры, Акмолинский развлек Вере Павловну:

— С ребенком надо идти туда, где этим интересуешься. Есть же различные ясли, детдома и прочее. У меня, как видите, не детский дом, а творческая фотолаборатория.

Вера Павловна, выходя замуж за Акмолинского, оставила свою квартиру, и теперь у нее не было никакого жилья.

— А по жилищным вопросам следует об-

ращаться в жилищный отдел, — развлек Акмолинский.

Обездомленную мать с ребенком приютит коллектив туберкулезного санатория.

Вечером, танцуя в местном клубе с новой знакомой, Акмолинский вновь отрекомендовал себя генерал-лейтенантом в отставке, закоренелым холостяком, человеком, разочарованным в жизни. Это означало, что он готовится к очередной женитьбе.

Так и оказалось. Вскоре Мирра, девятая жена Акмолинского, — девятая за пятилетний срок пребывания его в Таллине — была выдворена из творческой лаборатории фотографа и отправлена по месту прежнего жительства — в Ригу.

Вера — в Таллине, Мирра и Катя — в Риге, Ольга — в Ленинграде, Нина — в Москве, Желя — в Одессе, и т. д. и т. д.

Но будем перечислять всех жен Акмолинского и его детей...

Подлую жизнь ведет Акмолинский, человек с пустым сердцем, человек, смотрящий на жизнь глазами пустыми и холодными, как липкий его фотоаппарат.

Недавно партийная организация газеты «Рахва хаяя» («Голос народа»), где Акмолинский числился на учете, исключила его из рядов партии за моральное разложение, за использование служебного положения в личных, корыстных целях (спекуляция, воровство огромной партии фотографий в Тарту в момент освобождения города и т. д.).

Пригнул на некоторое время свадебный генерал от фотографии, кустарь без патента Акмолинский.

Однако вскоре он нашел совершенно незамысловатого заступника в лице секретаря Таллинского центрального райкома партии т. Алексеева.

Добросердечный т. Алексеев полагает, будто «заслуживает внимания объяснение Акмолинского о том, что на его жизненном пути встречались женщины, в которых он по тем или иным причинам разочаровывался».

Дело, оказывается, не в том, что искалечено немало женских и детских жизней, а в том, что козел, сохранивший кающую труду и поймавший за рога, почувствовал себя разочарованным.

А нам кажется, что этого козла, хотя бы и разочарованного, двать надо без всякого снисхождения, двать применительно к человеческой морали, применительно к суровому, но великодушному закону, оберегающему советскую семью от шкваливых козлов-акмолинских.

„На коленях перед Тейлором“

Коллектив инженеров-технологов Московского автозавода имени И. В. Сталина обесудил статью профессора Г. Шаумяна «На коленях перед Тейлором», опубликованную в «Литературной газете» (№ 81 от 8 октября 1949 г.). Статья эта обсуждалась на цеховых собраниях технологов, на совещаниях начальников технических частей механических цехов и работников заводской лаборатории резания.

Облубликованная в «Литературной газете» статья профессора Г. Шаумяна «На коленях перед Тейлором», — гласит резолюция автозаводцев, — правильно отмечает рабование некоторых ученых перед буржуазными американскими теоретиками Тейлором и Дилзом. Последователи Тейлора слепо применяют его абстрактные формулы, основанные на экономической стойкости реза, и переносит их в условия нашего социалистического производства.

В статье правильно поднят вопрос о непригодности ряда справочников, в частности, изданных Бюро технических нормативов и Комиссией по резанию. Столь же не пригодны и новые проекты нормативов. К составлению всех этих официальных справочников не были привлечены широкие круги инженерно-технических работников и стахановцев передовых заводов. Поэтому они оторваны от реальных условий нашего социалистического производства, дезориентируют производственников и не обеспечивают высокой производительности.

Московский автозавод имени Сталина никогда не придерживался в своей практике справочников Комиссии по резанию и Бюро технических нормативов и был вынужден создавать свои технологические нормативы, основанные на опыте работы завода, учитывающие конкретные условия автомобильного производства.

Необходимо устранить недостатки официальных справочников, а лучше всего создать новые, подлинно научные нормативы для каждой отрасли промышленности.

Принципиальные вопросы, поднятые в статье проф. Г. Шаумяна, требуют от наших ученых коренного изменения методов их работы, чтобы в кратчайший срок совместно с инженерами, мастерами и стахановцами передовых заводов создать нормативы резания, обеспечивающие высокую производительность.

13 октября Ученый совет Московского автомеханического института обесудил статью проф. Г. Шаумяна «На коленях перед Тейлором». Выступил: академик Е. Чудаков, директор института доц. М. Протасов, профессора Л. Решетов, А. Панкин, С. Четвериков, Я. Шуклин, секретарь партийной организации института А. Поспелов, доценты А. Шапкин, М. Кузавский, В. Беляев, Г. Шатуновский, И. Дзюба и другие.

Участники прений единодушно отмечали, что статья проф. Г. Шаумяна весьма своевременно и правильно поставила вопрос о необходимости борьбы против реакционно-буржуазных теорий в технике.

Члены Ученого совета академик Е. Чудаков, А. Поспелов, Я. Шуклин подтвердили, что вопросы, поднятые в статье проф. Шаумяна, имеют большое принципиальное и народнохозяйственное значение. И в других отраслях науки и техники некоторые наши ученые до сих пор слепо переносят критерий капиталистической техники в нашу социалистическую экономику.

Проф. А. Панкин, книга которого под-

По следам выступлений «Литературной газеты»

Синклер Льюис защищает поджигателей войны

А. ЕЛИСТРАТОВА

Весной этого года, когда все честные люди Америки с сочувствием следили за подготовкой к открытию Нью-Йоркского конгресса в защиту мира и демократии, а реакция призвала его участников потоками мутной, грязной клеветы, в американской печати раздался испуганный голос Синклера Льюиса. Ни пуг его был вызван отсутствием во власти безработных и голода, втянутого в орбиту новой мировой войны. Синклер Льюис испугался за собственную «репутацию» в глазах заправяющей империалистической Америки.

Синклер Льюис счел нужным выступить с заявлением относительно своей собственной особы. Поводом для столь странной «охранительной» саморекламы Льюиса послужило известное выступление А. А. Фадеева на Бродвейском конгрессе деятелей культуры в защиту мира. В своем докладе А. А. Фадеев, развивая мысль о том, что место современной прогрессивной интеллигенции — на стороне трудящихся масс, в их борьбе против империалистической реакции, привел, между прочим, следующие слова С. Льюиса: «Художник, ученый должен понять и громко заявить, стоит ли он на стороне тирании, жестокости, механического повиновения или на стороне народа, всего народа». Это-то обстоятельство после длительного полуголового раздумья и вызвало острый приступ истерической паники у мистера Льюиса. Вынужденный признать, что его прощирала точно, он умоляет, однако, не применять всерьез его либеральной фразы к оценке его собственной деятельности. Помните, ведь он-то сам никогда не принимал участия в борьбе народов за свободу и мир, возглавляемой Советским Союзом! Он никогда не осмеливался послать на основы государственной системы капиталистической Америки!

Он, видите ли, в течение сорока семи лет проповедовал «свободный демократический социализм в рамках американской государственной системы». Что именно подразумевается под «свободным» пастором под этой «проповедью», — теперь уже можно сказать совершенно точно.

Отнюдь не оспаривая право мистера Льюиса на саморазоблачение, нельзя, однако, не заметить, что в своем паническом состоянии он проявил усердие не по разуму. Вряд ли даже среди самых махровых реакционных гонителей свободы, заседающих в комиссиях по расследованию антиамериканской деятельности, нашелся бы сумасшедший фантазер, могущий заподозрить Синклера Льюиса в последовательности и активной враждебности к американскому капитализму.

В лучших романах Льюиса собрано немало обличительных материалов, характеризующих уродливые черты американской общественной жизни. Бескультуре и убеждению американского мешатина, угрожающее засилье расистских предрассудков в США, реакционная роль церкви, «фильтрация» и реклама в обманывании американских обывателей нашли отражение в его книгах. Заглавия его лучших реалистических романов в сознании американского народа приобрели нарицательный, сатирически обобщающий смысл. «Главная улица» стала символом реакционной косности и застоя американского провинциального города; «Боббит» — синонимом тупого и самодовольного американского обывателя-буржуа; «Злмер Гантри» — обозначением жалкого и злобного хищника в поповской рясе, делающего религию своим доходным бизнесом. Роман «Эроусмит» объективно воспроизводит типичную трагедию американского ученого, вынужденного либо продать себя в рабство буржуазии, либо отказаться от научной деятельности. В «Кордовской крови» Льюис, сам того не желая, развернул страшную картину расовых преследований в США и показал, как разжигание расовой ненависти служит наружу фашистской реакции в ее бешеном наступлении на права американского народа и в разжигании пожара новой империалистической войны.

Действие романа разворачивается в США сто лет тому назад, в пору колонизации Запада; но, по существу, роман представляет собой своего рода аллегорическую притчу, посвященную современности. Обращение Льюиса к периоду жестокого истребления индейских племен и его попытка морально реабилитировать американских колонизаторов на самом деле должна оправдаться в глазах читателя подготовкой новой кровавой бойни. Таков злободневный смысл истории Аарона Гадда, героя этого романа.

Знаком доллара проштемпелевано, как невидимым несмываемым клеем, содержание каждой странички книги. Американские миллиардеры «...награбители сотни миллионов долларов. И на каждом долларе видны следы грязи... На каждом долларе следы крови...» — писал Ленин в своем «Письме к американским рабочим». Были бы доллары! — таков нехитрый итог «богоискательства» героя романа, назойливо навязываемый читателю. Миссионер-колонизатор Аарон Гадд, не смущаясь, шагает по крови и грязи к своему преуспеянию. Поставленный перед необходимостью сделать выбор между индейцами, которым он на волею готовился посвятить свою жизнь, и судьбой священно-частной собственности — своего истинного бога, — льюисовский «богоискатель», с благословения автора, без колебания предают индейцев. За это он получает солидную награду в виде пая в строительной фирме и руки богатой наследницы. Но этого мало. Трусливому и эгоистичному поддому американского капитализма Льюис лицемерно пытается оправдать соображениями «патриотического» долга. Шутерски передергивая карты, он старается представить борьбу с американским капитализмом, как «измену родине», — старый, давно разработанный прием империалистической пропаганды. Снова, как и в других своих романах, но с еще большей цинической наглостью фальсифицирует историю, он пытается поместить американский народ «тысячек американцев», крупных собственников и именов их — паразитов и хищников — представить в качестве творческой движущей силы общественного развития.

Трудно вообразить себе нечто более отвратительное, чем заключительный эпизод романа Льюиса. Опять-таки в виде «исторического» урока современности в этом эпизоде описывается, как преуспевающий бизнесмен, «богоискатель» Гадд находит нужным по собственной инициативе создать на своем предприятии профсоюз для своих «недогадливых» рабочих; как, явившись на собрание профсоюза, он разлагает его, вреде расовых предрассудков; и как, наконец, умиленные рабочие избирают своего хозяина... почетным членом профсоюза. Так вот он, тот «демократический социализм» в рамках американской государственной системы, насчет которого так распинался в своем саморазоблачении Синклер Льюис! Увы, идея не нова. Организация так называемых «хозяйских профсоюзов» — дело давно привычное для предателей из Американской федерации труда.

Американская реклама криливо превозносит последний роман Льюиса за то, что он якобы «разъяснил, что экспансия Америки на Запад совершалась не только посредством силы и оружия, но и с помощью идей, воображения и духовного просвещения». В действительности, это грубая фальшивка, автор которой предупредительно стремится окружить ореолом «невинности» и «добродетели» американских поджигателей войны.

Каждая страница этого лицемерного повествования является свидетельством позорного идейного и художественного банкротства Синклера Льюиса, выступившего против американского народа, против борьбы за мир.

Будапештский процесс над шпионом Райком и его сообщниками раскрыл во всех подробностях омерзительную картину продолжительной враждебной деятельности нынешнего югославского правительства, направленной против Советского Союза и стран народной демократии.

Югославские агенты Уолл-стрит использовали для осуществления своих преступных замыслов подвластную им прессу. Они нуждались в журналистах и литераторах, которые поддерживали бы их предательскую политику, помогали бы им обманывать югославский народ, вытравлять в нем чувство любви и дружбы к Советскому Союзу и странам народной демократии.

Для этого белградский Геббельс — Милан Джикас и придворный летописец Тито, шпион Владо Дедер (имеющий среди своих родственников в Америке приближенных к Трумэнью людей), ныне занимающих посты начальника дирекции информации при правительстве и руководителя отдела печати, пустились в ход и кнут и пряник.

Но честные югославские писатели и журналисты остались верными своему народу. Они из них ушли в подполье и продолжают честно и бескорыстно служить интересам родины, другие, спасаясь от фашистского преследования, покинули родину и в эмиграции ведут борьбу за свободу и независимость Югославии. Джикас и Дедер откопали нужные им кадры «литераторов» лишь на свалке истории.

Титовскую «Фелькшнер» беобахтер — газету «Борбу» возглавляет известный агент англо-американской разведки Чуниса Перович. Нагло и злобно клеветая на Советский Союз и страны народной демократии ему помогают его ближайшие помощники — бывший политический редактор издательства при гитлеровцах газета «Новое время» Никола Капонович, членкич Михаила Радич, заброшенный в 1944 году в лагерь борюющегося югославского народа со шпионскими заданиями, и прочие, и прочие.

Бывший владелец газеты «Политика» Владислав Рибничар — друг Дедича, видный представитель великосербской буржуазии, автор воззвания, призывавшего народ во время фашистской оккупации предрекать сопротивление гитлеровцам, а затем, незадолго до освобождения Югославии, сделавший личным секретарем Тито, — продолжает и сейчас издавать свою газету. «Политика» после «Борбы» считается у титовской баны второй по значению газетой в стране. Спешившего поэта-сurreалиста, заведующего белградских публичных домов и убийцу собственной жены — Бранко Драшковича титовцы назначили главным редактором «Политики».

Не забыли титовцы и о возведении в свое время гитлеровцами на пост главного редактора газеты «Новое время» Предреге Милоевиче. Немецкие фашисты назначили его редактором в виде дополнительного наказания за написанную Милоевичем для газеты «Политика» еще перед войной хвалебную статью об итальянском фашизме, — основной гонимый в два миллиона динаров Рибничар выплатил Милоевичу сразу же. Теперь титовцы назначили Милоевича редактором фашистской лжеуездной газеты «Нова Югославия», издаваемой союзом журналистов в Белграде на нескольких языках.

Такого же типа «литераторы» собрались и в литературном филиале «Борбы» и «Политики» — в так называемой «писательской» газете «Книжные новости». Сколько бы титовцы ни величали «писателя» буржуазного филистера Ивана Поповича, назначенного им ответственным редактором «Книжные новости», писателем он от этого не будет. Никто и никогда не видел ни одного сколько-либо значительного произведения Ивана Попова.

„Литературные“ гангстеры Тито—Ранковича

Александр БАЛАКИН

Будапештский процесс над шпионом Райком и его сообщниками раскрыл во всех подробностях омерзительную картину продолжительной враждебной деятельности нынешнего югославского правительства, направленной против Советского Союза и стран народной демократии.

Югославские агенты Уолл-стрит использовали для осуществления своих преступных замыслов подвластную им прессу. Они нуждались в журналистах и литераторах, которые поддерживали бы их предательскую политику, помогали бы им обманывать югославский народ, вытравлять в нем чувство любви и дружбы к Советскому Союзу и странам народной демократии.

Для этого белградский Геббельс — Милан Джикас и придворный летописец Тито, шпион Владо Дедер (имеющий среди своих родственников в Америке приближенных к Трумэнью людей), ныне занимающих посты начальника дирекции информации при правительстве и руководителя отдела печати, пустились в ход и кнут и пряник.

Но честные югославские писатели и журналисты остались верными своему народу. Они из них ушли в подполье и продолжают честно и бескорыстно служить интересам родины, другие, спасаясь от фашистского преследования, покинули родину и в эмиграции ведут борьбу за свободу и независимость Югославии. Джикас и Дедер откопали нужные им кадры «литераторов» лишь на свалке истории.

Титовскую «Фелькшнер» беобахтер — газету «Борбу» возглавляет известный агент англо-американской разведки Чуниса Перович. Нагло и злобно клеветая на Советский Союз и страны народной демократии ему помогают его ближайшие помощники — бывший политический редактор издательства при гитлеровцах газета «Новое время» Никола Капонович, членкич Михаила Радич, заброшенный в 1944 году в лагерь борюющегося югославского народа со шпионскими заданиями, и прочие, и прочие.

Бывший владелец газеты «Политика» Владислав Рибничар — друг Дедича, видный представитель великосербской буржуазии, автор воззвания, призывавшего народ во время фашистской оккупации предрекать сопротивление гитлеровцам, а затем, незадолго до освобождения Югославии, сделавший личным секретарем Тито, — продолжает и сейчас издавать свою газету. «Политика» после «Борбы» считается у титовской баны второй по значению газетой в стране. Спешившего поэта-сurreалиста, заведующего белградских публичных домов и убийцу собственной жены — Бранко Драшковича титовцы назначили главным редактором «Политики».

Не забыли титовцы и о возведении в свое время гитлеровцами на пост главного редактора газеты «Новое время» Предреге Милоевиче. Немецкие фашисты назначили его редактором в виде дополнительного наказания за написанную Милоевичем для газеты «Политика» еще перед войной хвалебную статью об итальянском фашизме, — основной гонимый в два миллиона динаров Рибничар выплатил Милоевичу сразу же. Теперь титовцы назначили Милоевича редактором фашистской лжеуездной газеты «Нова Югославия», издаваемой союзом журналистов в Белграде на нескольких языках.

Такого же типа «литераторы» собрались и в литературном филиале «Борбы» и «Политики» — в так называемой «писательской» газете «Книжные новости». Сколько бы титовцы ни величали «писателя» буржуазного филистера Ивана Поповича, назначенного им ответственным редактором «Книжные новости», писателем он от этого не будет. Никто и никогда не видел ни одного сколько-либо значительного произведения Ивана Попова.

Будапештский процесс над шпионом Райком и его сообщниками раскрыл во всех подробностях омерзительную картину продолжительной враждебной деятельности нынешнего югославского правительства, направленной против Советского Союза и стран народной демократии.

Югославские агенты Уолл-стрит использовали для осуществления своих преступных замыслов подвластную им прессу. Они нуждались в журналистах и литераторах, которые поддерживали бы их предательскую политику, помогали бы им обманывать югославский народ, вытравлять в нем чувство любви и дружбы к Советскому Союзу и странам народной демократии.

Для этого белградский Геббельс — Милан Джикас и придворный летописец Тито, шпион Владо Дедер (имеющий среди своих родственников в Америке приближенных к Трумэнью людей), ныне занимающих посты начальника дирекции информации при правительстве и руководителя отдела печати, пустились в ход и кнут и пряник.

Но честные югославские писатели и журналисты остались верными своему народу. Они из них ушли в подполье и продолжают честно и бескорыстно служить интересам родины, другие, спасаясь от фашистского преследования, покинули родину и в эмиграции ведут борьбу за свободу и независимость Югославии. Джикас и Дедер откопали нужные им кадры «литераторов» лишь на свалке истории.

Титовскую «Фелькшнер» беобахтер — газету «Борбу» возглавляет известный агент англо-американской разведки Чуниса Перович. Нагло и злобно клеветая на Советский Союз и страны народной демократии ему помогают его ближайшие помощники — бывший политический редактор издательства при гитлеровцах газета «Новое время» Никола Капонович, членкич Михаила Радич, заброшенный в 1944 году в лагерь борюющегося югославского народа со шпионскими заданиями, и прочие, и прочие.

Бывший владелец газеты «Политика» Владислав Рибничар — друг Дедича, видный представитель великосербской буржуазии, автор воззвания, призывавшего народ во время фашистской оккупации предрекать сопротивление гитлеровцам, а затем, незадолго до освобождения Югославии, сделавший личным секретарем Тито, — продолжает и сейчас издавать свою газету. «Политика» после «Борбы» считается у титовской баны второй по значению газетой в стране. Спешившего поэта-сurreалиста, заведующего белградских публичных домов и убийцу собственной жены — Бранко Драшковича титовцы назначили главным редактором «Политики».

Не забыли титовцы и о возведении в свое время гитлеровцами на пост главного редактора газеты «Новое время» Предреге Милоевиче. Немецкие фашисты назначили его редактором в виде дополнительного наказания за написанную Милоевичем для газеты «Политика» еще перед войной хвалебную статью об итальянском фашизме, — основной гонимый в два миллиона динаров Рибничар выплатил Милоевичу сразу же. Теперь титовцы назначили Милоевича редактором фашистской лжеуездной газеты «Нова Югославия», издаваемой союзом журналистов в Белграде на нескольких языках.

Такого же типа «литераторы» собрались и в литературном филиале «Борбы» и «Политики» — в так называемой «писательской» газете «Книжные новости». Сколько бы титовцы ни величали «писателя» буржуазного филистера Ивана Поповича, назначенного им ответственным редактором «Книжные новости», писателем он от этого не будет. Никто и никогда не видел ни одного сколько-либо значительного произведения Ивана Попова.

Такого же типа «литераторы» собрались и в литературном филиале «Борбы» и «Политики» — в так называемой «писательской» газете «Книжные новости». Сколько бы титовцы ни величали «писателя» буржуазного филистера Ивана Поповича, назначенного им ответственным редактором «Книжные новости», писателем он от этого не будет. Никто и никогда не видел ни одного сколько-либо значительного произведения Ивана Попова.

Изучение русского языка в Чехословакии

ПРАГА. Союз чехословацко-советской дружбы, в ответ на запросы населения, организовал на заводах, в деревнях и школах ряд кружков по изучению русского языка.

Газета «Руде право» сообщает, что в дни чехословацко-советской дружбы, которые будут проводиться с 28 октября по 7 ноября, в стране возникнет еще десять тысяч кружков. В них будут обучаться русскому языку 150 тысяч человек. В помощь слушателям кружков в этом году в Чехословакии издан учебник русского языка.

Очаги культуры на румынской земле

БУХАРЕСТ. Когда вечерние сумерки спускаются над Дунаем, в тысячах домов культуры в городах и селах Румынии зажигаются яркие огни. Сюда после трудового дня приходят отдохнуть нефтяники Плотени и сталовары Реницы, виноградары Молдовы и дунайские рыбаки, железнодорожники Бухареста и текстильщики Брашова.

Эти очаги культуры, вызванные к жизни новым демократическим строем, стали подлинными центрами воспитания нового человека демократической Румынии, приближения его к богатствам культуры, к знаниям. 374 дома культуры насчитывается сейчас в румынских городах, более 8.000 — в селах. Здесь имеются библиотеки, работают многочисленные кружки, пользующиеся большой популярностью у населения. Особенно оживлено в домах культуры в воскресные дни, когда здесь проводятся концерты, читаются лекции и доклады, устраиваются литературные беседы и дискуссии.

Дома культуры способствуют выдвиганию и росту народных талантов. Так, в Трансильвании они помогли выявить свыше 300 прекрасных музыкантов, певцов и чтецов, которые были направлены в художественные учебные заведения. Сейчас в Румынии насчитывается тысячи коллективов художественной самодеятельности, 3.600 театральных групп, свыше 7.000 хороших и танцевальных ансамблей.

Велика роль домов культуры и в ликвидации неграмотности — тяжелого наследия эксплуататорского режима. Десятки тысяч крестьян обучаются чтению и письму в этих народных клубах.

Недавно 1.250 сельских домов культуры Румынии получили новые мощные радиоприемники; в 250 домах установлены киноаппараты. Все это послано молодой народно-демократической республике из братского Советского Союза.

Конкурс на новые оперные произведения

СОФИЯ. Большой интерес вызвал среди болгарских композиторов конкурс на новые оперные произведения, объявленный Комитетом по делам науки, искусства и культуры при Совете министров и дирекции Софийской народной оперы. Широка и разнообразна, по условиям конкурса, тематика опер. Они посвящаются борьбе болгарского народа за освобождение от турецкого ига; роли русского народа в национально-освободительной борьбе и болгаро-русской дружбе в период русско-турецкой войны 1877—78 гг.; революционной борьбе болгарского народа против фашизма; партизанскому движению в стране в период Второй мировой войны и революцию 9 сентября 1944 года; болгаро-советской дружбе; трудовому подвигу и строительству социализма в Народно-демократической Болгарии; новому быту и новым трудовым отношениям в современной болгарской деревне.

Конкурс будет продолжаться в течение года. За лучшие оперные либретто и музыку установлены премии.

НОВЫЕ КНИГИ

ГОСЛИТГИЗДАТ

Годль Н. Сорочинская армарка. Майская ночь, или Утопленница. 64 стр. Цена 1 р. (Маслово).

Добровольский В. Трое в серых шинелях. Повест. 208 стр. Цена 5 р. 50 к.

Мичкевич А. Собрание сочинений в пяти томах. Том I. 328 стр. Цена 18 р.

Прус Б. Кукула Роман. Перевод с польского. 784 стр. Цена 17 р.

Русские народные сказки. 112 стр. Цена 1 р. 50 к. (Маслово).

Салтыков-Щедрин М. Избранные произведения в 7 томах. Том VII. Похосехская история. 420 стр. Цена 10 р.

Секулич В. Завтра уходит в горы. Роман. Кн. 1 и 2. 464 стр. Цена 9 р.

Стендаль. Собрание сочинений, т. XII. Пролужка по Риму. 598 стр. Цена 13 р. 50 к.

Толстой А. М. Полное собрание сочинений, т. III. На войне. Рассказы (1911—1918 гг.). 508 стр. Цена 18 р.

Очередные номера «Звезды»

Вышли из печати восьмой и девятый номера журнала «Звезда».

В восьмом номере напечатана повесть Б. Лавренева «Голос Америки», рассказывающая о борьбе прогрессивных американцев против зла реакции. В заключительных главах «Повести о моих друзьях» Л. Борисова и рассказ молодого писателя Д. Гранина «Спор через океан» — о работе советских изобретателей-конструкторов.

Десятый номер «Звезды» опубликована новая повесть В. Пановой «Ясный берег». Она посвящена людям молочного совхоза, его самоотверженному честному труду.

В отделе поэзии помещены поэма азербайджанского писателя Мамеда Рагима «Долг памяти», повесть А. А. Жданова «Радичевка», В. Платоновой «Жизнь и проблемы советской литературы», А. Докучаева «Против клеветы на великих русских писателей» (о порочных, формалистических методах А. А. Попова), «Жизнь и творчество В. Томашевского и В. Эренбурга».

В девятом номере «Звезды» опубликована новая повесть В. Пановой «Ясный берег». Она посвящена людям молочного совхоза, его самоотверженному честному труду.

В отделе поэзии помещены поэма азербайджанского писателя Мамеда Рагима «Долг памяти», повесть А. А. Жданова «Радичевка», В. Платоновой «Жизнь и проблемы советской литературы», А. Докучаева «Против клеветы на великих русских писателей» (о порочных, формалистических методах А. А. Попова), «Жизнь и творчество В. Томашевского и В. Эренбурга».

В девятом номере «Звезды» опубликована новая повесть В. Пановой «Ясный берег». Она посвящена людям молочного совхоза, его самоотверженному честному труду.

В номере помещены также статьи С. Гальперина «Творческий дарвинизм и учение И. П. Павлова», И. Константиновского «Рубиновый передел» о стихах народной демократии», В. Панковского «Формализм и эстетика профессора Эйзенбаума» и ряд рецензий на новые книги.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ. Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУДИН (зам. главного редактора), Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, П. ПРНИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

Анатолий ГИДАШ

Искра новой венгерской поэзии

Перед нами сборник стихов семи молодых венгерских поэтов — сыновей венгерского народа.

Авторы стихов, говорится в предисловии книги, принимают непосредственное участие в повседневной борьбе. Ритм этих произведений рожден стучом станков, грохотом тракторов, радостным смехом людей... Так становится тесной, неразрывной связь между трудящимся народом и художником, изображающим действительность... В их творениях возникают образы победителей в трудовом соревновании, людей, торжествующих над трудностями, счастливых героев из народа... в их произведениях возникает наш победный план: социализм.

Авторы сборника — представители новой венгерской интеллигенции. Один из наиболее выдающихся поэтов — 26-летний Петер Куцка — был за свою непопулярную жизнь в батрацком, в рудопом, и каменщиком, и продавцом газет. В 1944 году он был взят в хорватскую армию и бежал оттуда, унеся с собой 19 своих товарищей. Он не хотел воевать против Советского Союза. Другой талантливый поэт Льюла Тот — ему сейчас 23 года — был венадштатом ребенком в семье крестьянина-бедняка. Ему еще не исполнилось 18 лет, когда из-за своих политических убеждений он вынужден был скрываться от фашистов. Только после освобождения Венгрии Тот получил возможность учиться и печатать стихи.

Жизнь всех авторов сборника до освобождения Венгрии складывалась так же, как жизнь десятков тысяч молодых венгерских трудящихся. После освобождения

стихотворения он как бы выдыхает дозуг для всех венгерских прогрессивных поэтов:

Я хочу быть знаменем в борьбе,
И в труде хочу я быть орудьем.

Этот дозуг связан с лучшими традициями венгерской поэзии: сто лет назад Шандор Петефи, обращаясь к венгерскому народу, писал: «Я хочу быть орудьем в ваших руках». Почти эту же мысль повторяет и Петер Куцка.

Еще недавно батрачавший на помещичьих и церковных землях, Льюла Надь пишет о великой силе союза между рабочими и крестьянами:

Мы лодж даем горячему песку,
Даем мы радость земледельцам бедным —
Идет сквозь шлюз кормилица вода,
Чтоб лик полей отныне не был бледным.

Перед деревней возрожденной, юной
Встает завол...

Деревню, идущую к новой жизни, жизни на коллективных началах, воспевают и Ференц Юхас в своем стихотворении «Песня о тракторе».

Сокрушив земельные магнатов, венгерское крестьянство под руководством рабочего класса идет на штурм против кулаков. Острая борьба венгерского народа против классового врага, против реакционеров и их приспешников нашла свое отражение в ряде стихотворений сборника.

Нет отдыха во время боевое!
Нет места в Венгрии для душ гнилых.
На них поднимет Чепель
Мощный молот
И уничтожит их!

Это пишет Льюла Тот. Он, как в большинстве молодых поэтов, связанных с великими революционными традициями Петефи, понимает, что его борьба является частью общей борьбы за освобождение всего трудового человечества. И потому идея

пролетарского интернационализма повсюду

проходит в стихах сборника.

На празднике родной страны
Сегодня стол накрыт богато.
Мы пьем, веселья полны;
Друг, мы становимся крылаты,
И силы наши все растут,
И руки, дружески сплетая,
Мы чувствуем, что вот мы тут,
Но боремся мы и в Китае!

В укреплении братских, интернациональных отношений между народами видят Петер Куцка основу несокрушимости стран народной демократии, неколебности в стоищих на защите фронта мира во главе с великим Советским Союзом.

Не только у нас, но повсюду, где

Народная демократия —
Клементисы, Куцка и Яноши Галы,
Волнуются тем, что волнует отчину,
И крепнут их силы, растет их сознательность,
Они — хозяйва жизни!

В братской семье свободных демократических народов бурно расцветают экономика и культура стран народной демократии, свидетельствуя о великих преимуществах их нового общественного и политического строя над строем гниущего Запада.

На Западе — петля и плаха
Отбрасывают назем тени,
А здесь растет страна маляров,
В свободном, радостном кипеньи!

— пишет известный в Венгрии поэт и прозаик Тамаш Анел.

Сборник «Лети, искра!» дает четкий ответ на вопрос, кому обязаны маляры своей новой жизнью. Влеет за Маттасом Ракоши, который сказал, что достигшие венгерской народной демократии стали «возможны только потому, что за нами стояла помогающая и руководящая рука Совет-